

ТАИНСТВЕННЫЙ
ДЕТЕКТИВ

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
АННЫ КНЯЗЕВОЙ
В СЕРИИ «ТАИНСТВЕННЫЙ ДЕТЕКТИВ»

Ключ от проклятой комнаты
Пленники старой Москвы
Тени старого Арбата

Дайнека. Игра в детектива

Сейф за картиной Коровина
Венецианское завещание
Роман без последней
страницы
Подвеска Кончиты
Кольцо с тремя амурами
Наследница порочного графа
Хозяин шелковой куклы
Жертвы Плещеева озера
Монета скифского царя

Опасная территория.

**Полина Свирская
и Сергей Дуло**

Хранительница царских тайн
Копье чужой судьбы
Перстень Александра
Пушкина
Роковое золото Колчака
Черный бриллиант Соньки
Золотой Ручки
Орден белых лилий
Мираж золотых рудников

**Детективное ателье
Надежды Раух**

Призраки Замоскворечья
Химеры картинной галереи
Зов темной крови

**Лионелла Баландовская.
Светский детектив**

Прощальный поцелуй Греты
Гарбо
Девушка из тихого омута
Убийство в декорациях
Чехова

**Анна Стерхова.
Расследование архивных
дел**

Песня черного ангела
Убийца возвращается
дважды
В сентябре вода холодная

АННА КНЯЗЕВА

КОЛЬЦО С ТРЕМЯ
АМУРАМИ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К54

Редактор серии *А. Антонова*
Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

В коллаже на обложке серии «Таинственный детектив
Анны Князевой» использована фотография:
© Vjacheslav Shishlov / Shutterstock.com и иллюстрация:
© Zara's Gallery / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

В коллаже на обложке серии «Тайны и расследования:
исторические детективы» использованы фотографии:
© margo_black, Jon Bilous / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Князева, Анна.

К54 Кольцо с тремя амурами : [роман] / Анна Князева. — Москва :
Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-165006-3 (Таинственный детектив Анны Князевой)

ISBN 978-5-04-165005-6 (Тайны и расследования: исторические
детективы)

Провести отпуск в засекреченном городе, бережно хранящем свои мрачные тайны, — что может быть увлекательнее? Согласившись подменить знаковую, работавшую костюмером в местном театре, Дайнека даже не представляла, какие страсти кипят в мире пыльных кулис и старых декораций! Найдя среди реквизита вещи пропавшей тридцать лет назад девушки, Дайнека испытала страх и азарт одновременно — она никак не ожидала, что это заурядное на первый взгляд событие всколыхнет устоявшуюся спокойную жизнь той давней и заставит свидетелей той давней истории вновь воскресить в памяти то, о чем все они предпочли забыть... Потянув за тонкую ниточку, Дайнека шаг за шагом бесстрашно приближалась к развязке, не только раскрыв старое убийство, но и обнаружив следы грандиозной аферы, связанной с похищением несметных сокровищ из крупнейших музеев страны, — они вели именно сюда, в подземные бункеры закрытого города...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-165006-3
(Таинственный детектив Анны Князевой)
ISBN 978-5-04-165005-6
(Тайны и расследования: исторические
детективы)

© Князева А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Пролог

- Я ничего не вижу.
- Осторожно, здесь ступенька...
- Куда мы идем?
- Сейчас увидишь.
- «А как-то сказать «прощай навек» живому человеку, ведь это хуже, чем похоронить».
- Слова из твоей роли?
- Да. Сегодня на репетиции я их забыла.
- Скажи еще что-нибудь.
- Вот, например... «Вижу я, входит девушка, становится поодаль, в лице ни кровинки, глаза горят. Уставилась на жёниха, вся дрожит, точно помешанная. Потом, гляжу, стала она креститься, а слезы в три ручья полились. Жалко мне её стало, подошла я к ней, чтобы разговорить да увести поскорее. И сама-то плачу...» Здесь очень темно!
- «Здесь очень темно» — отсебятина.
- Нет, правда, я ничего не вижу... У меня в сумочке спички.
- Не надо спичек. Дай руку.
- Уже пришли?
- Дай руку!
- Вот она... Как смешно. Я правда не вижу, куда...
- Это дверь.

- Где?
- Здесь. Дай мне руку, я тебя проведу.
- Ой!
- Что?
- Споткнулась.
- Осторожней, еще немного... Видишь, это уже я.
- Пожалуйста...
- Что?
- Руку больно!
- Тише...
- Мне больно!
- Зачем так кричать?
- Ма-а-ама-а-а!
- Ти-и-ише...

В темноте прозвучал коротенький вздох, зажглась спичка, и вдруг что-то хрястнуло, как будто раскололся большой арбуз.

— Вот и все. Как там по роли? Прощай навек?.. Ну так прощай.

ГЛАВА 1

ОТПУСК В ЖЕЛЕЗНОБОРСКЕ

В день, когда Дайнека получила университетский диплом, она купила билет и вечером улетела. По прибытии в Красноярск взяла такси и в половине шестого уже была у матери.

— Вот! — она протянула диплом.

Людмила Николаевна сонно прищурилась, потом обняла дочь.

— Поздравляю!

Дайнека спохватилась:

— Прости, что так рано.

— Ничего, — Людмила Николаевна показала на дорожную сумку. — За нами скоро приедут.

Дайнека опустила на стул.

— Кто?..

— Такси.

— Зачем?

— Мы едем в гости к моей школьной подруге. У нее свой дом на берегу Железнодорожного озера. Она давно меня приглашала, но я не решалась. Что ни говори, инвалид-колясочник — обуза для непривычного человека. С тобой будет проще. Так что вещи не разбирай. Надежда заказала для нас пропуск. Железнодорожск — город режимный.

Людмила Николаевна подъехала к зеркалу, развязала платок, стала снимать бигуди и складывать себе на колени. Дай-

нека глядела на нее и думала, что мать по-прежнему живет своими желаниями и ни с кем не собирается их согласовывать. Вздохнув, она взяла сумку и отнесла к выходу, убеждая себя в том, что приехала, чтобы побыть с матерью, а где, особого значения не имеет.

Про Железнодорожск Дайнека знала лишь то, что он находится в шестидесяти километрах от Красноярска. С одной стороны город окружен лесистыми сопками, с другой — болотами и лугами, которые протянулись до самого Енисея. Однажды ей пришлось там побывать, но визит имел быстротечный и экстраординарный характер¹.

Секретный город Железнодорожск поддерживал оборонную мощь страны и был отрезан от мира тремя рядами колючей проволоки. Выехать из него можно было свободно, а вот заехать — только по специальному разрешению.

За час они с матерью добрались до железнодорожного КПП², предъявили паспорта и прошли через механический турникет. То есть Дайнека прошла, а Людмила Николаевна проехала в инвалидной коляске. На той стороне «границы» их ожидала другая машина, поскольку чужие автомобили, в том числе такси, в город не пропускали.

По дороге мать рассказала, что Надежда Кораблева, ее подруга, никогда не была замужем и осталась бездетной. Их общее детство казалось ей самой счастливой порой жизни. Теперь подругам предстояли долгие разговоры о том золотом времени. И хотя относительно прошлого Людмила Николаевна придерживалась иной точки зрения, она не отказалась провести небольшой отпуск на берегу красивого озера.

¹ Подробности в книге «Подвеска Кончиты».

² Контрольно-пропускной пункт.

Дом, возле которого остановилось такси, выглядел основательно: два каменных этажа с цоколем. Вокруг — обширный участок с маленьким огородом. Плодовые деревья, баня, малинник...

Выбравшись из машины, Людмила Николаевна пересела в коляску. С крыльца сбежала статная дородная женщина и кинулась обниматься:

— Людочка... Мы уже заждались!

— Здравствуй, Надя. Это моя дочь! — По лицу матери было видно, что она гордится Дайнекой.

Из дома вышла мать Надежды, Мария Егоровна, кругленькая старушка с «перманентом» и вставными зубами. Она с трудом спустилась по лестнице, притронулась к пояснице и пожаловалась:

— Совсем замучил радикулит. Ни согнуться, ни разогнуться... Здравствуй, Люда. Какая у тебя взрослая дочь!

Людмила Николаевна похвасталась:

— Вчера получила университетский диплом!

Осмотрев дом и определившись, где они будут жить, Дайнека провезла мать по участку. Надежда с увлечением рассказывала про свои садовые достижения:

— Здесь у меня розы. Все удивляются, говорят, в Сибири они не растут. Растут! Да еще как!

— А это что? — Людмила Николаевна показала на тонкое деревце.

— Вишня.

— Неужели плодоносит? — из вежливости спросила Дайнека.

— Осенью полведра соберу!

Дайнека потрогала тоненький ствол, удивляясь, как этот прутик сможет произвести полведра вишни.

— Надя! Надя! — позвала из окна Мария Егоровна. — Хватит уже! Идите обедать!

За столом старуха не умолкала ни на минуту. Она сообщила, что сейчас находится на больничном, но вообще-то до сих пор работает костюмершей в городском Доме культуры. А муж ее, Витольд Николаевич, лечится в санатории. И не преминула добавить: в прошлом он работал на высокой должности в Комитете госбезопасности.

После обеда мать легла отдохнуть, а Дайнека отправилась к озеру. В холодной воде еще никто не купался, но загорающих на пляже было полно. Она скинула платье и зашла в озеро по грудь, потом оттолкнулась и поплыла. Солнце слегка нагрело поверхность, но в глубине, куда все время попадали коленки, был ледяной холод. Проплыв метров тридцать, Дайнека развернулась и направилась к берегу. Увлеченные примером, там, по колено в воде, уже стояли несколько человек.

Она ступила на берег, прошла по песку и ощутила всю прелесть предстоящего отдыха. Нежданно-негаданно Дайнека получила то, о чем мечтала давно: тихий отпуск вдали от шумного города.

Чуть обсохнув, она подняла платье и, стряхнув песок, натянула его на себя. На противоположном берегу озера тоже был пляж, за ним — парк, еще дальше стояли многоэтажные жилые дома. Дайнека добралась до автобусной остановки и села в первый подошедший маршрут. Через пятнадцать минут сошла в центре города. Впрочем, Железнодорожск был так мал, что его целиком можно было назвать одним центром или одной окраиной, кому как понравится.

На центральной площади стоял памятник Ленину и городской Дом культуры с шестью колоннами и внушитель-

ным портиком. За ним виднелись лесистые сопки и тайга — на тысячи километров.

По главной улице Дайнека дошла до парка, который соорудили из куска дикой тайги. Вековые сосны соседствовали здесь с прямыми аллеями, цветочными клумбами и гипсовыми спортсменами. Ей достаточно было совсем немного прогуляться по тропке среди деревьев, чтобы захотеть вернуться сюда с матерью. После этого Дайнека снова села в автобус и вернулась к дому Надежды. Во дворе она столкнулась с Марией Егоровной. Ее лицо казалось заплаканным и немного опухшим.

Дайнека встревожилась:

— Что-нибудь с мамой?

— С ней все в порядке, — вздохнув, старуха склонила голову. — А вот меня увольняют с работы.

— За что?

Из дому вышла Надежда, поставила на скамейку тазик с бельем и сообщила:

— В костюмерном цехе проходит инвентаризация. В Доме культуры начинают ремонт. Костюмеров всего двое. Сегодня позвонила начальница: или выходи, или увольняйся. А как она выйдет с радикулитом?..

Дайнека, не раздумывая, сказала:

— Есть один вариант.

— Какой? — поинтересовалась Надежда.

— Кем-нибудь заменить.

— Некем! — Старуха насухо вытерла слезы. — Видно и вправду увольняться пора. — Она уронила руки. — Но как же я без работы...

— Возьмешь лейку и пойдешь поливать огурцы, как все нормальные бабки, — сказала дочь.

— У всех нормальных бабок есть внуки, — Мария Егоровна отвернулась, словно опасаясь нарваться на неприятности, но все же добавила: — И даже правнуки. А у меня никого нет.

— Ну, вот что! — вмешалась Дайнека. — Я могу пойти вместо вас.

— Куда? — не поняла Мария Егоровна.

— На вашу работу.

— Да ты, наверное, иголки в руках не держала.

— Держала, — на крыльцо выкатилась в коляске Дайнекина мать. — Я сама ее шить научила.

Мария Егоровна растерянно взглянула на дочь.

— А что, — промолвила Надя. — Это хороший выход.

ГЛАВА 2

КОСТЮМЕРША

Следующим утром Дайнека вышла из дому и уверенно направилась к автобусной остановке. В сумочке у нее лежал пластмассовый контейнер с обедом, который приготовила Мария Егоровна, и серый халат, без которого, по уверениям старухи, работать было нельзя. Автобус вновь обогнул озеро и доставил ее к городскому Дому культуры.

У служебного входа стояла женщина с высокой старомодной прической. По серому халату Дайнека узнала в ней коллегу по цеху.

— Валентина Михайловна?

Женщина свела к переносице белесые бровки.

— Людмила Дайнека?

— Я, — кивнула она.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать два.

Валентина Михайловна сказала вахтеру:

— Иван Васильевич, девушка — со мной. Пропустите.

Старик что-то записал в огромный журнал.

Вслед за начальницей Дайнека поднялась по мраморной лестнице. Из нарядного кулуара с окрашенными под малахит колоннами они свернули в коридор. Потом двинулись какими-то переходами, спускались и поднимались по узким лестницам, открывали тяжелые противопожарные двери и наконец оказались за сценой, где располагалось хранилище костюмерного цеха.

Валентина Михайловна отомкнула висячий замок на двустворчатой металлической двери, вынула его из проушин и зашла внутрь.

Сунув туда нос, Дайнека ощутила волнуемый запах. Позже она узнала: так пахнет грим, пыльные ткани, вошенная краска с папье-маше и старая обувь, в которой танцевала не одна пара ног. Но в тот первый момент ей показалось, что так пахнет тайна.

Большую часть хранилища занимали двухэтажные вешала, полностью заполненные сценическими костюмами. У окна стоял письменный стол. Все остальное пространство заполнили фанерные сундуки и деревянные ящики.

Валентина Михайловна критически оглядела Дайнеку и спросила:

— Халат у тебя есть?

Девушка скинула курточку, достала халат и быстро его надела.

— Будешь разбирать сундуки с реквизитом и обувью и записывать инвентарные номера. Работы много. Не вовремя заболела Мария Егоровна. — Начальница села за письмен-

ный стол. — Вот инвентаризационная ведомость. Здесь пишешь наименование, в этой графе — номер.

— А где все это взять? — поинтересовалась Дайнека.

Валентина Михайловна подняла глаза и выразительно помолчала. Потом обронила:

— Все в сундуках. — Она встала, подошла к ящичку и ткнула пальцем в черную надпись. — Номер. Записываешь его в самом верху. — Со стуком откинула крышку и достала из ящичка пару черных сапог. Показала подошвы. — Видишь цифры? Это инвентарный номер, вносишь в графу.

— Наименование там же искать?

— Зачем? — не поняла Валентина Михайловна.

— Чтоб записать...

Начальница устало вздохнула и, выставив перед собой сапоги, задала наводящий вопрос:

— Что это?

— Сапоги, — уверенно ответила Дайнека.

— Какого они цвета?

— Черного!

Валентина Михайловна взяла шариковую ручку и, проговаривая каждое слово, записала в инвентаризационной ведомости:

— Сапоги черные... Инвентарный номер сорок два, тире, двадцать три, сорок четыре.

— Все поняла! — Дайнека с готовностью потянулась к ящичку. — С этого начинать?

— С этого, — сказала Валентина Михайловна. — По одной вещи выкладываешь и пишешь, потом все аккуратно возвращаешь на место.

Приступив к работе, Дайнека поняла, что Валентина Михайловна — жуткая аккуратистка. Все предметы и обувь ле-

жали в ящике идеально, и у нее не было уверенности, что, записав инвентарные номера, она сможет восстановить этот идеальный порядок.

Тем не менее до конца рабочего дня ей удалось перебрать целых три ящика и не получить ни одного замечания. Немного понаблюдав за Дайнекой, Валентина Михайловна успокоилась и больше не подходила.

В половине шестого, когда до конца рабочего дня осталось тридцать минут, Дайнека открыла большой фанерный сундук. В нем хранился сценический реквизит: жареный поросенок, яблоки, груши и огромный пирог, все — из папье-маше. Еще был кокошник с фальшивыми изумрудами, покрывало из старинного гобелена, резиновый виноград и ваза с вылинявшими поролоновыми цветами.

Под картиной в бронзовой раме Дайнека заметила уголок красного кожзаменителя. Заинтересовавшись, потянула его на себя и вытащила из ящика старомодную сумку. Оглядев ее, сообщила:

— Валентина Михайловна, на ней нет инвентарного номера.

— Дай. — Костюмерша взяла сумку, покрутила, потом сказала: — Пиши: сумка женская, «б» и «н».

— Что это значит?

— Без номера.

— А можно в нее заглянуть?

— Зачем тебе?

— Так...

— Ну, если так, загляни.

Дайнека расщелкнула замочек.

— Здесь деньги...

— Ну-ка, — Валентина Михайловна снова взяла сумочку и вынула десять рублей. — Надо же... Старый червонец. Ты, наверное, и не помнишь таких. А это что? — Она сунула руку в матерчатый карман и вытащила темно-красную книжечку. — Паспорт старого образца.

Дайнека придвинулась:

— Чей?

Начальница открыла паспорт и прочитала:

— Свиридова Елена Сергеевна, тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года рождения.

Они стали разглядывать фотографию. На ней была хорошенькая блондинка с заколотыми наверх волосами. На вид — не больше семнадцати.

— Как он здесь оказался?

— Не знаю. Наверное, артистка из художественной самодеятельности положила, а потом забыла. Только что-то я не помню такой... — Валентина Михайловна порылась в сумочке, достала спичечный коробок, смятый платок и губную помаду фабрики «Рассвет».

— У меня в молодости такая была. Странно... Давай проверим прописку. — Она полистала паспорт. — Улица Ленина, дом восемнадцать, квартира тридцать четыре. Наша, городская, нужно бы занести...

Дайнека вернулась к ящику, но Валентина Михайловна посмотрела на часы и сказала:

— Можешь идти домой.

Дайнека засомневалась.

— До конца рабочего дня пятнадцать минут...

— Ну и что?

— Вам надо помочь...

— Завтра поможешь. — Костюмерша протянула ей паспорт. — А сейчас иди по этому адресу и отдай. Все-таки документ.

Дайнека взяла паспорт, сняла халат и вышла из костюмерной. Пройдя мимо запасника, где хранились ненужные декорации, спустилась по лестнице и направилась к служебному выходу.

— Стой! — Вахтерша Дома культуры преградила ей путь. — Кто такая?

— Людмила Дайнека.

— Здесь что делаешь?

— В костюмерном цехе бабушка заболела. Я вместо нее.

— Марии Егоровне давно пора на покой. Да кто ж сюда за такие деньги пойдет?..

— Ну, я же пошла.

— Не наша? Не городская?

Дайнека неохотно созналась:

— Приехала из Москвы.

— На каникулы?

— К матери в гости.

— Мать-то наша хоть, городская?

— Нет, она живет в Красноярске.

— Чего ж ты, девка, в Железнодорожке забыла?

— Мама здесь у подружки школьной гостит, в доме на озере.

— Значит, Мария Егоровна, наш костюмер, подруга твоей матери?

— Нет. Она мать подруги, — объяснила Дайнека.

Старуха пожала плечами.

— До конца рабочего дня еще десять минут.

Дайнека решила прекратить бесцеремонный допрос.

— Во-первых, утром вахтер все записал в журнал. Вторых, я не оформлена. Помогаю на добровольных началах.

— Тогда пусть напишут приказ и заверят его у директора. Без приказа больше не пропущу.

— У вас с этим строго, — ухмыльнулась Дайнека. — Скажите, а где здесь улица Ленина?

— Как выйдешь, сразу налево.

— Спасибо.

Она вышла через служебную дверь, свернула налево, по диагонали пересекла площадь и оказалась у «сталинки» под номером двадцать четыре.

Восемнадцатый был в двух шагах...

ГЛАВА 3

ПОИСК НАЧИНАЕТСЯ

Сидящие на лавочке старухи проводили Дайнеку любопытными взглядами. Она прошла мимо них и свернула в третий подъезд. Тридцать четвертая квартира располагалась на первом этаже. Дайнека постучалась в деревянную дверь, но никто не ответил. Она выждала, стукнула еще несколько раз и направилась к выходу.

— Ищешь кого? — спросила старуха в вязаной шляпке.

Дайнека раскрыла паспорт и прочитала:

— Свиридову Елену Сергеевну тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года рождения.

— У нас таких нет.

Первую старуху перебила вторая, в пестром платке:

— Как, говоришь, фамилия?

— Свиридова.

— Аленка? Не та ли, что потерялась?

Старухи притихли, что-то припоминая.

— Ну... Это когда было, — протянула та, что в вязаной шляпке.

— Вы не знаете, где она теперь проживает? — спросила Дайнека.

— У-у-у, милая, этого теперь никто не знает.

— Пропала она, — вмешалась та, что в платке.

— Как пропала?.. — растерялась Дайнека. — Давно?

— Лет тридцать назад. — Старуха в задумчивости приложила руку к щеке. — Мы приехали в этот дом в восемьдесят втором. Года через два эта девица из тридцать четвертой пропала. Выходит — в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом. Аккурат — тридцать лет.

— Ее не нашли?

— Нет. Не нашли. Года через три ее мать переехала.

— Как же так... — Дайнека показала найденный документ. — Вот и паспорт ее нашелся...

— Паспорт — что? Бумажка, — глубокомысленно произнесла старуха. — Человека найти сложней.

Обе уставились на Дайнеку, словно ожидая от нее каких-нибудь новостей.

Она скомканно попрощалась, но тут же спросила:

— А где здесь полиция?

— Это — у кладбища. Лучше езжай на автобусе. Пешком далеко.

Дайнека покинула двор, прошла немного по улице, встала на обочине и махнула рукой. Возле нее сразу остановилась машина, стекло опустилось, водитель спросил:

— Куда?

— В полицию.

Он потянулся, чтобы дернуть за ручку, и открыл перед ней дверцу:

— Садись, довезу.

Дайнека села и на всякий случай осведомилась:

— Сколько это будет стоить?

— Не пообедаешь, — заверил водитель, трогаясь с места. — Приезжая?

— А что, сильно заметно?

— Город маленький, все примелькались. Приезжих видно издалека.

Покосившись, Дайнека определила, что ему примерно столько же лет, сколько ей. Крепкий, симпатичный, темно-волосый.

— Слава...

— Что?

— Меня зовут Вячеслав, — чуть громче сказал он.

— Меня — Дайнека. — Она приготовилась к тому, что он удивится: какое странное имя, и ей придется объяснять, что на самом деле это фамилия. Но он заговорил о другом:

— Зачем тебе в отделение?

— Чужой паспорт нашла. Нужно вернуть.

— Проще по адресу отнести.

— Только что заходила. Хозяйка паспорта потерялась, а мать переехала.

Он покосился на нее с любопытством и усмехнулся:

— Детектив, да и только...

Автомобиль свернул во двор пятиэтажного здания и остановился у центрального входа.

— Сколько? — Дайнека вынула кошелек.

— Да ладно! — отмахнулся Вячеслав. — Может, тебя подождать?

Она ответила очень категорично:

— Спасибо! Не надо.

— Тогда до свидания. — Он дождался, пока она выйдет, захлопнул дверцу и сразу уехал.

Дайнека поднялась по ступенькам, вошла в вестибюль и направилась к стеклянному ограждению с надписью «Дежурное отделение».

— Вот, — протянула паспорт.

— Что? — Дежурный офицер поднял глаза.

— Я нашла чужой паспорт.

Он забрал красную книжицу.

— Документ старого образца. Недействительный.

Дайнека отступила.

— Все равно заберите. Эта девушка потерялась.

— Откуда вам это известно?

— Соседи рассказали.

— По месту прописки? — Он снова раскрыл паспорт. — Ленина, восемнадцать, тридцать четыре?

— Да. Она пропала в середине восьмидесятых.

Дежурный присвистнул.

— Чего от меня хотите?

— Чтобы вы забрали ее паспорт и по возможности попытались найти.

— Не понял, — удивился дежурный офицер. — Кого я должен найти?

— Свиридову Елену Сергеевну тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года рождения.

Он что-то набрал на клавиатуре компьютера, взглянул на монитор и сообщил:

— В апреле восемьдесят четвертого Свиридову Елену Сергеевну подали в розыск. Уголовного дела не заводили. Отказ о возбуждении подписан лейтенантом Труфановым.

Дайнека выдохнула и с облегчением улыбнулась.

— Уголовное дело не завели, значит, нашли?

— Нет.

— Тогда почему?

— Потому что не было оснований для возбуждения. Скорей всего, Свиридова куда-то уехала.

— Как же так... — Дайнека заволновалась. — А если ее убили? Или похитили?

— Послушайте, прошло тридцать лет. Срок давности для пропавших — пятнадцать. Чего вы хотите?

К окошку подошел мужчина в полицейском мундире, слегка отгеснил Дайнеку и спросил у дежурного:

— Труфанов Василия Дмитриевича не видел?

— Он в триста восьмом у оперативников. Во всяком случае, был десять минут назад, — ответил дежурный.

Мужчина широко зашагал к лестнице.

Дайнека спросила:

— Труфанов Василий Дмитриевич — тот самый?

— В каком смысле?

— Это он подписал отказ о возбуждении дела?

— Он. И если у вас все, не мешайте работать.

— У меня все, — поспешно сообщила Дайнека и побежала вслед за мужчиной в полицейском мундире.

Догнала его на втором этаже, вместе с ним поднялась на третий, прошла коридор и остановилась у кабинета под номером триста восемь. Мужчина вошел, она осталась за дверью. Постояв немного, заглянула внутрь:

— Здравствуйте!

Сидящие за столом офицеры повернулись в ее сторону и замолчали.

— Вам кого? — спросил самый крайний.

— Лейтенанта Труфанова. Василия Дмитриевича.

Навстречу встал пожилой офицер.

— Его нет, — усмехнулся он и пригладил усы.

— Неправда, — возмутилась Дайнека. — Дежурный сказал, что он здесь.

— Не веришь? — Офицер строго посмотрел на нее.

У Дайнеки вытянулось лицо. Неизвестно, чем бы это закончилось, если бы он не продолжил:

— Лейтенанта Труфанова нет, но есть полковник Труфанов. — Офицер протянул руку, и Дайнека неосознанно ее пожала. — Василий Дмитриевич. Тебя как зовут?

— Людмила Дайнека.

— Зачем я тебе нужен?

Потупив глаза, она прошептала:

— Есть одно дело.

Смеющимся взглядом полковник оглядел всех присутствующих и сказал только ей:

— Тогда идем в мой кабинет.

Он вышел, Дайнека — за ним. Они спустились на второй этаж, проследовали в конец коридора. Перед тем как зайти в кабинет, она прочитала на табличке, прикрученной к двери:

«Начальник Управления внутренних дел Труфанов В.Д.»

— Садись, — Василий Дмитриевич указал ей на стул, а сам опустился в свое кресло и положил руки на стол. — Прости, что на ты. Там в кабинете мне показалось, что ты совсем еще девочка.

— Это ничего. Так даже лучше. — Дайнека подала ему паспорт. — Вот! Сегодня нашла...

— Это и есть твое дело? — Он протянул руку и взял у нее документ. Раскрыл. — Интересно... — поднял глаза. — Где наша?

— В костюмерной Дома культуры. Сначала я нашла сумочку, он лежал в ней.

Василий Дмитриевич уставился в паспорт, перелистал все страницы и положил его перед собой.

— Эта девушка пропала лет тридцать назад.

— В апреле восемьдесят четвертого, — уточнила Дайнека.

— Я помню. В начале апреля я приехал в Железнодорожный, и это было моим первым заданием...

— Почему вы отказали в возбуждении уголовного дела?

— Чтобы объяснить, нужно все рассказать.

— Ну, так расскажите.

Василий Дмитриевич положил руку на паспорт.

— Знаешь, теперь и мне интересно, что все это значит... — Он выдвинул ящик стола, достал сигареты, медленно закурил. — В город Железнодорожный я приехал в начале апреля тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года...

ГЛАВА 4

СЛЕДОВАТЕЛЬ ВАСИЛИЙ ТРУФАНОВ

Понедельник, 9 апреля 1984 года

В общежитие Василий Труфанов заселился сразу же, в день приезда. На работу вышел, как водится, в понедельник. Ему выдали ручку, карандаш и перекидной календарь. Когда он спросил про подставку, чтобы было на чем его перекидывать, завхоз ответила:

— На складе их нет, и когда привезут — неизвестно.

В кабинете уже сидели три человека. Его стол был четвертым и стоял рядом с эркером. Просидев пару часов без дела, Василий понял: если сдвинуть стул чуть левей и вытянуть шею, в окна эркера можно разглядеть перекресток и еще три двухэтажных здания-близнеца, таких же, как то, в котором сидел он. В одном находился Паспортный стол, в другом — Бюро пропусков, в третьем располагался Комитет государственной безопасности, а в четвертом, где работал Труфанов, — Управление внутренних дел Железнодорожского района.

— Труфанов! — в кабинет заглянул лейтенант.

— Я!

— К начальнику следственного! Сейчас!

Василий выскочил в коридор, но потом быстро вернулся.

— А где он сидит?

— Напротив, — махнул рукой сослуживец.

Постучавшись, Труфанов заглянул в кабинет начальника следственного отдела.

— Вызывали?

— Заходи. — Майор протянул руку. — Виктор Николаевич Петров. Когда в город приехал?

— Неделю назад. Устроился в общежитии. Через год обещали квартиру.

— Где год — там и два, — нерадостно пошутил Виктор Николаевич. — Обещанного, как говорится, три года ждут...

На стол шлепнулась картонная папка, Труфанов заинтересованно покосился. Перехватив его взгляд, Петров пояснил:

— Твое первое дело.

— Убийство? — сурово спросил Василий.

Майор отмахнулся.

— Типун тебе на язык. У нас город тихий. Девушка пропала. Разберись, что там да как.

Труфанов раскрыл папку. В ней был только один лист — заявление матери.

— Когда это случилось?

— А ты почитай — там все написано.

— Могу идти?

— Давай, лейтенант, работай... И не слишком усердствуй. Наверняка с хахалем куда-нибудь укатила.

— Есть! — Труфанов козырнул и вышел из кабинета.

Первым делом лейтенант позвонил в приемный покой больницы, потом отправился на квартиру, где жила пропавшая девушка.

Он шел по улицам сибирского города и думал, что здешний апрель не такой, как в его родном Краснодаре. Там, дома, уже расцвел абрикос, дворы наполнились медовыми ароматами, и уже никто не носит пальто. Здесь же еще не растаял снег, а на асфальтовых пятачках уже прыгают девочки, гоняя по классикам свои битки. В лужах искрится солнце, прыгают мокрые воробьи и галдят вороны, радуясь приходу весны.

Когда Труфанов пришел по адресу, дверь открыла темно-волосая женщина лет сорока.

— Екатерина Владимировна Свиридова здесь проживает?

— Это я. Вы из милиции? — Она отступила в прихожую. —

Проходите.

Двухкомнатная квартирка была чисто убрана. Казалось, здесь никто не живет. Хозяйка пригласила Труфанова в комнату, где он вдруг вспомнил, что не представился и не показал документ.

— Следователь Труфанов, — Василий достал корочки.

— Прошу. — Женщина указала ему на диван.

Он огляделся.

— Мне бы туда, где можно писать.

— Тогда садитесь за стол.

Труфанов спрятал удостоверение, сел, достал ручку и положил перед собой лист бумаги.

— Приступим?

Екатерина Владимировна согласно кивнула.

— Расскажите, когда, где и при каких обстоятельствах пропала Елена Сергеевна. Когда в последний раз вы ее видели?

— В пятницу, шестого апреля дочь вернулась из школы...

— В котором часу?

— В четыре или в начале пятого.

— Одна?

— С подругой.

— Имя подруги?

— Ирина Маркелова.

— Они вместе учатся?

— Да, в одном классе.

— Адрес не назовете?

— Чей?

— Ирины Маркеловой.

Екатерина Владимировна прикрыла глаза рукой.

— Сначала я все расскажу.

Труфанов осекся:

— Да, конечно. Простите...

— Домой они пришли в начале пятого. Ирина сразу ушла, Алена стала собираться на репетицию.

Василий отвлекся от протокола:

— Вы же сказали, она школьница.

— Алена учится в десятом классе девяносто девятой школы, а по вечерам занимается в Народном драмтеатре при городском Доме культуры.

— Участвует в художественной самодеятельности?

— Да.

— Ирина Маркелова тоже там занимается? — догадался Труфанов.

— Они с Аленой репетируют одну роль.

— Ясно, — Василий что-то коротко записал. — Значит, стала собираться на репетицию.

— В шесть Алена ушла, и больше я ее не видела.

Труфанов озадаченно распрямился.

— Та-а-ак... Это все?

— Поздним вечером, когда дочь не вернулась домой, я побежала в Дом культуры. Вахтер сообщил, что все давно ушли. Утром пошла к Ирине. Она рассказала, что с репетиции Лена ушла около одиннадцати часов.

— А сама Маркелова где была в это время?

— На репетиции.

— А почему ваша дочь не осталась?

— Аленушке нет восемнадцати. Я попросила, чтобы режиссер отпускал ее до одиннадцати, — Екатерина Владимировна достала из-за манжеты платок и скомкала его в руках. — В тот же день, это была суббота, я пошла в дежурную часть, но мне сказали, что заявление примут только через три дня. Сегодня утром я его написала.

— Оно у меня, — Василий раскрыл папку и продемонстрировал заявление. — Давайте поговорим о том, как жила ваша дочь.

— Почему жила?... — спросила Екатерина Владимировна.

Следователь изменил свой вопрос:

- Давайте поговорим о том, как живет ваша дочь.
- Как и все девушки ее возраста: домашние хлопоты, занятия в школе. Про репетиции я уже рассказала.
- У нее кто-нибудь есть?
- Екатерина Владимировна подняла на него глаза.
- Что вы имеете в виду?
- Мальчик, парень, жених...
- Жениха нет. Рано еще. Парень есть.
- Его имя и адрес.
- Михаил Суворов. Живет в доме, где гастроном. Только сегодня вы его не найдете — учится в институте в Красноярске. Приедет в субботу.
- Значит, в пятницу, когда пропала ваша дочь, его в городе не было?
- Приехал только в субботу и вместе со мной начал искать.
- Вы проверяли вещи Алены?
- Зачем?
- Все ли на месте?
- Все, кроме той одежды, что была на ней.
- Это кстати. Пожалуйста, опишите, в чем она была одета в тот вечер.
- Красное демисезонное пальто, черные сапоги. Юбочка серая, плиссированная, белая блузка. Сумка красного цвета с замочком как у кошелька-гаманка.
- Это как? — переспросил следователь.
- Знаете, как будто два кулачка, и они между собой зацепляются.
- Понял. — Он все записал. — А как насчет документов?
- Паспорта я не нашла.
- Она всегда носила его с собой?

— Нет. Но в этот раз для чего-то взяла.
— И это хорошо, — подбодрил ее Труфанов.
— Почему? — Глаза матери полыхнули надеждой.
— Значит, она куда-то уехала, что исключает другие печальные версии.

— Надеюсь, хоть и не понимаю зачем, — прошептала Екатерина Владимировна.

— В жизни вашей семьи ничего не менялось в последнее время?

— С тех пор как умер отец Алены, мы остались вдвоем. Что у нас могло поменяться...

— У дочери не появились новые друзья или подруги? Может быть, приходили какие-то письма?

— Ничего такого я не заметила.

— Знаете, девчонки часто ведут дневники... У вашей дочери был дневник?

Екатерина Владимировна на мгновение задумалась.

— Бывало такое, что зайду в ее комнату, а она что-то пишет в тетрадке. Увидит меня, закроет и куда-нибудь спрячет.

— Значит, был... Как выглядел, не припомните?

— Красная клеенчатая тетрадь. На обложке — цветы.

— Можете поискать? — Следователь оживился и даже встал, как будто собрался искать дневник вместе с ней.

— Уже искала. Дома его нет.

— Что-нибудь еще можете рассказать?

— Больше нечего.

— Не возражаете, если зайду к вам еще раз?

Екатерина Владимировна уткнулась лицом в платок. Потом, сморкаясь в него, судорожно дернула головой:

— Как я могу возражать?..

В городском Доме культуры Труфанова первым делом проводили к директору. В огромном угловом кабинете его встретила женщина в пиджаке, застегнутом на все пуговицы.

— Здравствуйте, товарищ следователь. Мне уже позвонили. — Она по-мужски протянула руку. — Меня зовут Виолетта Андреевна.

Труфанов сунул папку под мышку и ответил крепким рукопожатием.

— Мне нужно поговорить с режиссером, с вахтером и с гардеробщицей служебного гардероба. С теми, кто работал в пятницу вечером.

Виолетта Андреевна одернула пиджак и вытянула руки по швам, отчего стала похожа на офицера запаса.

— Режиссер придет после шести. Вахтер и гардеробщица сейчас на работе, могу их сюда пригласить.

Труфанов оглядел кабинет.

— Лучше я сам к ним пойду.

— Вам виднее, — поджав губы, директриса предупредила: — Будьте внимательны, в Доме культуры ведется ремонт.

— Давно? — поинтересовался Труфанов.

— Второй месяц. Всю сцену разворотили. Монтируют поворотный круг.

— На сцену я не собирался идти. — Следователь прошел к двери, но вдруг обернулся. — Еще один вопрос... Если в здании ремонт, почему участники художественной самодеятельности продолжают репетировать?

— Апрель месяц, — Виолетта Андреевна развела руками. — Творческий сезон не закончен. Не разгонять же участников коллективов посреди года. Вот и занимаются в кабинетах.

— В каком репетирует драмтеатр?

— В сорок четвертом.

— Могу я его осмотреть?

— Будете говорить с вахтером, скажете — я разрешила. Он все покажет, ключи у него есть.

— Спасибо. — Труфанов вышел из кабинета и отправился к служебному входу.

Заметив его, вахтер вскочил со своего стула.

— Я только на минуту, в туалет отошел!

Труфанов ободряюще улыбнулся:

— А я пока ни о чем вас не спрашивал.

— Так ведь будем про девушку говорить?

— Будем.

— Ну — вот.

— Значит, вы не видели, как в пятницу Свиридова выходила из Дома культуры?

— Я же сказал! — Вахтер обескураженно вскинул руки. — Ровно в одиннадцать пошел в туалет, пост покинул на пару минут.

— Предполагаете, в это время она вышла на улицу?

— В другое время я бы ее увидел.

— А если она ушла через главный вход?

— Там закрыто на ключ.

— Значит, не отлучались больше ни на минуту?

— Ни на минуту!

— Ясно... — Труфанов вздохнул и разочарованно повертел головой. — Где тут у вас гардероб?

Вахтер показал. Следователь тихонько спросил:

— Как зовут гардеробщицу?

— Анна Петровна.

Гардеробщица сообщила, что в пятницу к половине двенадцатого в гардеробе не оставалось ни одного пальто и ни одной куртки.

— Значит, Свиридова свое забрала? — спросил следователь.

— Молодая блондинка из драмтеатра?

— У нее пальто красного цвета.

Анна Петровна задумалась, потом махнула рукой:

— Если здесь не осталось, значит, забрала. Минуточку... —

Она взяла номерок у щеголеватого мужчины лет сорока.

Он мимоходом взглянул на Труфанова.

— Товарищ кого-то ищет? — Мужчина забрал пальто и, одеваясь, представился: — Геннадий Петрович Сопелкин, художественный руководитель Дома культуры.

— Следователь Труфанов, — скрепив знакомство рукопожатием, Василий запоздало ответил: — В прошлую пятницу девушка потерялась. Была на репетиции, после чего домой не вернулась.

— Что за девушка? — поинтересовался Сопелкин.

Труфанов хотел ответить, но гардеробщица оказалась расторопней:

— Свиридова из Народного драмтеатра.

— Вот как?... — застегивая последнюю пуговицу, Геннадий Петрович взял Труфанова под руку и повел к мраморной лестнице. Они поднялись на площадку между первым и вторым этажами и остановились возле окна, которое располагалось как раз над служебным входом.

— Вот, — Сопелкин сдвинул в сторону французскую штору. — В прошлую пятницу вечером я видел, как Свиридова вышла из Дома культуры и села в белые «Жигули». Кстати, на заднем сиденье автомобиля стоял большой чемодан.

— Номер запомнили?

— Не обратил внимания.

— Водителя рассмотрели?

- Нет, его я не видел.
- В котором часу это было?
- В одиннадцать, может чуть позже.
- Уверены, что это была она?
- Я хорошо ее знаю, спутать не мог.

Труфанов открыл папку, глянул в окно и на всякий случай спросил:

- Опишите ее одежду.
- Пожалуйста: красное пальто, черные сапоги. В руках — красная сумочка. — Геннадий Петрович поправил штору и вежливо улыбнулся.

Труфанов закрыл папку.

- Спасибо. Вы очень нам помогли.

ГЛАВА 5

В ПОДВАЛЕ

— Это все? — спросила Дайнека.

— Как ты понимаешь, расспрашивать дальше было бессмысленно. — Василий Дмитриевич достал сигарету и закурил. — После того как Сопелкин рассказал про белые «Жигули», осталась одна версия: Свиридова по своей воле покинула город.

Переведя взгляд на паспорт, Дайнека спросила:

- Но теперь-то вы понимаете, что она не уехала?
- Теперь — понимаю.
- Что же делать?
- Ничего, — Труфанов стряхнул пепел. — Прошло тридцать лет.

— По-вашему, спустя тридцать лет человеческая жизнь дешевет?

Василий Дмитриевич замер, поднял глаза и отчетливо произнес:

— Чтобы ты не продолжала своих заблуждений, на этом поставим точку.

Было ясно: встреча закончена. Дайнека встала, взяла паспорт и вышла из кабинета.

Мария Егоровна сидела у окна, ожидая, пока вернется Дайнека. Заметив ее у калитки, она подхватила и вышла во двор.

— Ну как?

— Все хорошо, — Дайнека решила подбодрить старуху. — Мы с Валентиной Михайловной нашли общий язык.

— И она ничего не говорила про увольнение? — попыталась Мария Егоровна.

— Не говорила, — улыбнулась Дайнека. — Все хорошо. Будьте себе на здоровье.

Она выпила чаю и пошла к себе в комнату. Укладываясь в постель, услышала шепот матери:

— Если тебе в тягость — скажи, и мы покончим с этой работой.

— Мне не в тягость, — отозвалась Дайнека и повернулась к стене.

История с паспортом затянула ее, как будто, найдя его, Дайнека взяла на себя определенные обязательства. Перед ней, как в сказке, простерлась дорога из желтого кирпича, которую нужно пройти. И она не знала, что именно заставило ее ступить на эту дорогу.

На следующее утро, когда Дайнека пришла на работу, Валентина Михайловна сообщила ей, что через два дня в Доме культуры состоится отчетный концерт.

— Что это значит? — Дайнека не знала, что такое отчетный концерт.

— Это когда участники художественной самодеятельности показывают жителям города и руководству, что сделали за год. Раньше такие концерты проводили к первому мая или ко дню рождения Ильича...

— Ильич — это ваш мэр?

— Не говори глупости! — На Валентину Михайловну накатила волна неудержимого хохота. Просмеявшись, она объяснила: — Ко дню рождения Ленина, в двадцатых числа апреля. Теперь все иначе: концерт проводят перед тем как разъехаться по отпускам.

— А нам с вами что нужно делать?

— Во-первых, подготовить костюмы и выдать участникам. Во-вторых, во время концерта придется побегать. Там подбери, здесь подай. Кому-то зашей, кому-то помоги... В общем, — она ободряюще улыбнулась, — если удержишься здесь — всему научу. Кстати, ты отдала паспорт?

— Нет.

— Почему?

— В квартире живут другие люди, а девушка тридцать лет назад куда-то исчезла. Сумочка — не реквизит, она принадлежала Свиридовой. — Дайнека мрачно кивнула в подтверждение серьезности сказанного.

В глазах начальницы мелькнуло смущение.

— Наговоришь мне еще... Откуда узнала?

— Сначала от старух во дворе, потом начальник полиции подтвердил.

Валентина Михайловна всплеснула руками, кинулась к ящику и стала выкидывать из него все, что там было. Наконец отыскала красную сумочку, в которой нашли паспорт, и бросила на письменный стол.

— Срочно неси в полицию!

— Не возьмут, — возразила Дайнека. — Им даже паспорт ее не нужен. Говорят: тридцать лет прошло. Срок давности — всего пятнадцать. Теперь ничего не изменишь.

— Вот что... — Валентина Михайловна села на стул и, не отрывая взгляда от сумочки, произнесла: — Сейчас я тебя отпущу с работы.

— Зачем?

— Иди в адресный стол, ищи ее родственников.

— И что дальше?

— Если найдешь, отдашь им сумку и паспорт.

— Не понимаю, зачем, если даже в полиции...

Валентина Михайловна перебила:

— Я говорю — иди!

— Ну, хорошо. — Дайнека не возражала против того, чтобы уйти с работы, только поинтересовалась: — Вахтерша выпустит меня раньше времени?

— Выпустит. Я позвоню.

По пути к выходу она заглянула за сцену, затем побродила по кулуарам. Повсюду царило какое-то беспокойство, как если бы все вдруг стали готовиться к переезду. Сотрудники хозяйственной службы скатывали ковры, двигали мебель, уносили кадки с цветами.

— Куда это все? Зачем? — спросила Дайнека у старика в рабочей спецовке.

Он остановился, оглядел ее и, приосанившись, сообщил:

— С первого июня в Доме культуры — ремонт.

— А я слышала, через два дня будет отчетный концерт.
— Как только проведем, сразу начнем ремонт.
— Зачем же все уносить раньше времени?
— Сроки сжатые, — посерьезнел старик. — К понедельнику обязаны все унести, а сегодня уже среда.

В этот момент его кто-то окликнул:

— Геннадий Петрович!

Старик обернулся, глянул и продолжил быстро скатывать ковер. К ним подошел мужчина в бейсболке.

— Я смотрю, у вас еще конь не валялся.

Чтобы рассмотреть лицо человека, Дайнека заглянула под козырек.

— Слава?

Старик в это время возмущенно воскликнул:

— Чего ты все ходишь?! Только работать мешаешь! Сказано — в понедельник, раньше не приходи!

— Вячеслав... — повторила Дайнека, и парень заулыбался.

— Думал, что не узнаешь. Виделись-то всего пять минут.

А вот я сразу тебя узнал.

— Ну, вы тут любезничайте, а мне нужно работать... —

Старик поднял ковер и потащил его к лестнице.

Вячеслав крикнул ему в спину:

— Сопелкин, завтра снова приду и проверю!

Дайнека схватила его за руку:

— Как ты сказал?

— Приду и проверю...

— Да, нет! Как ты его назвал?

— Сопелкин...

— Имя-отчество?

— Геннадий Петрович. — Вячеслав не спускал с нее удивленного взгляда.

— Извини. — Дайнека побежала за стариком. — Геннадий Петрович!

Не обращая на нее никакого внимания, Сопелкин спустился по лестнице с ковром на плече.

— Стойте же! Подождите!

На мраморной лестнице между первым и вторым этажами Сопелкин остановился и скинул ковер на пол.

— Ну, что вам еще? Вообще, кто вы такая?

— Называйте меня Дайнекой или Людмилой, как больше нравится.

Старик оглядел себя, стряхнул со спецовки пыль, выпрямил спину и спросил уже с интересом:

— Что вам угодно?

— Вы художник Дома культуры?

Он вскинул руки.

— Вспомнила! Когда это было... Теперь я завхоз.

— Но ведь вы Геннадий Петрович Сопелкин?

— Да, я Сопелкин.

Дайнека умоляюще сложила руки домиком.

— Прошу вас, очень нужно поговорить!

Покосившись на ковер, Геннадий Петрович заметил:

— В кабинет пригласить не могу. Нет у меня кабинета. Склад — в подвале. Туда вряд ли пойдете.

— Можно и здесь. Помните, тридцать лет назад здесь, в Доме культуры, пропала девушка, Лена Свиридова?

— Да-да, что-то припоминаю... — Сопелкин перевел взгляд на окно, и Дайнека сообразила, что это было именно то место и то окно над служебным подъездом.

Она отдернула штору, глянула вниз, потом обернулась:

— Отсюда вы видели, как уезжала Свиридова?

— Пойдите... Откуда вам это известно? И с какой целью вы задаете вопросы?

— Я близкая родственница, — на ходу соврала Дайнека и добавила: — Троюродная сестра Лены. Следовательно, который вел ее дело, рассказывал об этом моей тетке.

Недоверчиво покосившись на нее, Геннадий Петрович все же заговорил:

— В те времена здесь висели глухие французские шторы. Знаете, когда по всей ширине белые полотна собраны фалдами. Изысканно, благородно... А теперь повесили синтетический тюль, — он вздохнул. — Театр — это храм. Когда зритель приходит сюда, его не должно беспокоить, что происходит на улице.

— Кстати, а зачем вы смотрели в окно? — задав этот вопрос, Дайнека сама не поняла, как он пришел ей в голову.

— В каком смысле?..

— Если штора была французской, значит, через нее ничего не было видно. Вам нужно было ее отдернуть, чтобы увидеть, как Свиридова садится в машину.

Сопелкин непроизвольно мотнул головой.

— Так я и отдернул.

— Но для чего? Ведь не для того же, чтобы ее увидеть?

— Конечно, не для того... — Он ненадолго задумался. — Теперь вряд ли я вспомню. Может, кого ждал. Да это не важно. Важно лишь то, что она уехала в черной «Волге».

Дайнека напряглась и с подозрением уставилась на Сопелкина.

— Следовательно вы сказали, что Свиридова села в белые «Жигули»!

Геннадий Петрович повысил голос:

— Я пожилой человек! И это не самое важное воспоминание в моей жизни! Мог и забыть.

— Простите... Только один вопрос: помните, во что была одета Свиридова?

— Вы хоть понимаете, когда это было? Тридцать лет прошло, и я должен помнить, что она была в красном пальто?

— Но ведь помните, — улыбнулась Дайнека и снова спросила: — Была у нее сумочка?

— Была, — уверенно подтвердил Сопелкин. — Куда бы она поехала без нее?

— Видите ли... — говоря эти слова, Дайнека внимательно смотрела ему в лицо. — Вчера, перебирая ящики с реквизитом, я нашла сумочку с паспортом Елены Сергеевны Свиридовой.

— Так и думал, что вы никакая не родственница! — Сопелкин поднял ковер и взвалил его на плечо. — Нет у меня времени, я на работе.

— Знаете, — сказала Дайнека, — вы сейчас похожи на человека, которому есть что скрывать.

Резко повернувшись, Геннадий Петрович шаркнул ковром по стене, отчего еще сильнее рассердился:

— Зачем вы копаетесь в прошлом? Чего вам не живется спокойно?

Этот вопрос застал Дайнеку врасплох. Она не знала, как на него ответить. Вместо этого попросила:

— Пожалуйста, расскажите мне, как все было на самом деле.

— Я не помню... — со слезой в голосе простонал Геннадий Петрович.

— Расскажите, что помните, — миролюбиво согласилась Дайнека.

Крякнув, Сопелкин поправил ковер, лежащий у него на плече.

— Идемте в подвал. Там все расскажу, — он посмотрел на нее и вдруг перешел на «ты». — Не боишься? Вот закатаю в ковер и спрячу где-нибудь в подземелье... — Не дождавшись ее реакции, Геннадий Петрович вежливо пояснил: — Шутка юмора.

Потом они спустились в подвал, и Сопелкин рассказал все, что помнил о том дне.

ГЛАВА 6

ГЕННАДИЙ ПЕТРОВИЧ СОПЕЛКИН

Пятница, 6 апреля 1984 года

На работу Сопелкин пришел в восемь вечера. Вахтер сразу предупредил:

— Вас директор, Виолетта Андреевна, спрашивала.

Покосившись на директорский кабинет, Геннадий Петрович осторожно спросил:

— Где она?

— Двадцать минут как домой ушла. Велела записать, во сколько вы явитесь.

— Скажешь, что пришел в семнадцать часов.

Вахтер усомнился:

— Я уже доложил ей, что вас нет.

— Извинишься, скажешь, что не заметил. Дескать, пришел Геннадий Петрович — и сразу в какой-нибудь коллектив, номер смотреть. Кто там у нас сегодня? — Сопелкин поддернул

штанину и посмотрел на ботинок. — Что за дикая мысль — устраивать ремонт, не закончив сезона!

Вахтер полистал журнал:

— В тридцать шестом кабинете занимается хор ветеранов труда...

Сопелкин поморщился:

— Кто там еще?

— В сорок четвертом репетирует драмтеатр.

— Ага! — Геннадий Петрович повеселел: — Запиши в журнале, что я пришел в семнадцать часов — и сразу в сорок четвертый.

— Так они к восемнадцати собираются.

— А ветераны труда к сколько?

— Эти — к семнадцати.

— Значит, так: в семнадцать я пошел к ветеранам, потом в драматический... Записал? — Сопелкин снова посмотрел на ботинок, вынул платок и тщательно протер его у подошвы. — Скажи уборщице, чтобы вытерла в тамбуре и на лестнице. Натаскали известки, пройти невозможно...

Поднявшись на третий этаж, он открыл дверь кабинета. На стульях вдоль стен сидели участники, не занятые в репетиционном процессе. В центре комнаты стояла светловолосая девушка в серой плиссированной юбке и цветастом платке, накинутом на плечи. Декламируя, она прижимала руки к груди:

— Вижу я, входит девушка, становится поодаль, в лице ни кровинки, глаза горят, уставилась на жениха, вся дрожит, точно помешанная. Потом, гляжу, стала она креститься, а слезы в три ручья так и полились. Жалко мне ее стало, подошла я к ней, чтобы разговорить да увести поскорее. И сама-то плачу...

Между тем к двери подошел режиссер и открыл ее шире.

— Проходите, Геннадий Петрович.

— Не помешаю, Альберт Иванович? — Из вежливости поинтересовался Сопелкин и зашел в кабинет.

— Присаживайтесь, — указал режиссер на свободный стул недалеко от двери.

К стоящей в центре блондинке приковывляла старуха.

— Дешевы слезы-то у вас, — прошамкала она деланным голосом.

— Уж очень тяжело это слово-то — «прощай», — снова заговорила девушка. — Ведь это хуже, чем похоронить...

— Лена! — закричал режиссер. — Свиридова! Ты пропустила в тексте целую фразу! После слов «уж очень тяжело это слово-то «прощай» идет фраза: «А каково сказать «прощай навек» живому человеку, ведь это хуже, чем похоронить». Нельзя так вольно обращаться с текстом Островского. И еще, когда твоя героиня рассказывает про девушку в церкви, она не ее жалеет, а свою загубленную жизнь. Свое одиночество оплакивает. Свое! Понимаешь? Пожалуйста, повтори последнюю фразу!

Елена Свиридова стянула цветастый платок и с чувством произнесла:

— А каково сказать «прощай навек» живому человеку, ведь это хуже, чем похоронить.

— Во-о-о-от! Ведь можешь! — Альберт Иванович подбежал и схватил ее за руки. — Именно так, именно с такой интонацией! В этих словах заключены все ее страхи, весь ужас ее положения. И прошу, заучи эту фразу. Перепиши ее несколько раз на полях. Прямо в роли своей напиши. — Режиссер ткнул пальцем в текст роли и отдал Елене. Затем обернулся к другим участникам и объявил: — Теперь сцена

из восьмого явления — вторым составом с Ириной Маркеловой... — Он покрутился на месте. — Кстати, где она? Я не вижу... Опять не пришла?

В дверь кабинета проскользнула коренастая девушка с копной кудрявых черных волос.

— Простите, опоздала, у меня...

Режиссер отмахнулся.

— Иди, Маркелова, репетируй. Твоя сцена.

В поисках свободного места Елена Свиридова присела рядом с Сопелкиным и стала что-то писать на полях своей роли.

— Знаете, — сказал он, оглядывая ее фигурку, — вы как Юлия Павловна меня устраиваете больше, чем Ирина Маркелова. А как же сценические костюмы? Вторая исполнительница, по крайней мере, на два размера больше вас.

Свиридова улыбнулась и, взглянув на Сопелкина, пояснила:

— Костюмеры пришили на спине крючки в два ряда. Потуже — для меня, посвободней — для Иры.

— Ну, если так... — Геннадий Петрович ощупал ее взглядом, сделал стеклянные глаза, склонился и прошептал на ухо: — Когда вижу вас, испытываю неодолимое желание прикоснуться...

Она сдвинулась в сторону и обиженно отвернулась:

— Опять вы за свое?

— Во сколько сегодня заканчиваете?

Елена не успела ответить, режиссер хлопнул в ладоши и прокричал:

— Начали!

Участники художественной самодеятельности прогнали свою сцену, затем последовал перерыв. Геннадий Петрович

вышел из кабинета и заглянул в комнату, где репетировал хор ветеранов. Там вокруг баяниста сидели два десятка старух и один дед. Все обернулись и заулыбались ему беззубыми ртами. Он поспешно закрыл дверь и отправился в свой кабинет.

Проходя мимо дверей амфитеатра, немного замедлил шаг. Ему показалось, что за одной из них кто-то вскрикнул. Остановившись, Сопелкин прислушался. В тот же миг дверь распахнулась, и в фойе выбежала Елена Свиридова. Из ее рук выпала сумка и свернутая трубочкой роль. Геннадий Петрович заглянул в темный тамбур амфитеатра, затем поднял с пола сумку и роль, упавшие предметы.

— Что вы там делали?

Елена растерянно оглянулась, забрала свою сумку и поправила волосы. Сопелкин плотно прикрыл дверь.

— Надо сказать, чтобы замкнули. В зале ремонт, посторонним там делать нечего. — Он посмотрел на нее. — Что у вас на щеке?

— Ничего. — Елена прикрыла лицо ладонью.

Геннадий Петрович отвел ее руку.

— Будет синяк, — сказал он и заглянул девушке в глаза. — Кто вас ударил?

Сопелкин ринулся к амфитеатру, но Елена его сдержала, взяла под руку и повела к лестнице.

— Вы, кажется, хотели меня проводить?

— Когда? — Геннадий Петрович остановился, но она снова потянула его за собой. — Ах, да! Так во сколько вы сегодня заканчиваете?

— В половине двенадцатого.

— Я буду ждать вас у служебного входа.

— До встречи! — Елена улыбнулась и побежала на репетицию.

— Роль! — Геннадий Петрович помахал свернутыми листами. — Вы забыли свой текст!

ГЛАВА 7

ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

— Она сказала, что заканчивает в половине двенадцатого? — удивилась Дайнека.

— Именно так.

— Но ведь Свиридова знала, что по требованию матери режиссер отпустит ее раньше.

— Сие мне неизвестно, — Геннадий Петрович развел руками. — Поэтому, когда в одиннадцать часов я увидел в окно, как она вышла из Дома культуры и села в чью-то машину, это меня задело. Кстати, Свиридова ушла, не забрав текст своей роли.

Дайнека испуганно вздрогнула и схватила его руку.

— В чем дело? — спросил он.

— Кажется, в вашем подвале живут крысы. — Она оглядела серые стены и показала рукой в дальний угол. — Там!

— В любом подвале водятся крысы, — заметил Сопелкин и продолжил: — Короче, она села в машину и укатила. Цвет и марку уже не помню, память подводит. И неудивительно, мне скоро семьдесят.

— Вы сказали следователю, что на заднем сиденье автомобиля был чемодан.

— Если сказал, значит — был.

— И еще вопрос: вы узнали, кто скрывался за дверью амфитеатра?

— Елена силком увела меня прочь.

— Думаете, нарочно?

— Не сомневаюсь ни на минуту. Скорей всего, не хотела, чтобы я увидел того, кто там был. Иначе с чего бы она согласилась встретиться в половине двенадцатого?

— А потом обманула и ушла раньше... — Дайнека ненадолго задумалась. — Скажите, а что такое амфитеатр?

— Это самая удаленная часть зрительного зала, которая располагается за партером. Из фойе туда ведут три двери: одна в центральную часть амфитеатра, две другие в левую и правую части.

— Вам ничего не удалось рассмотреть, когда она выходила?

— Во-первых, Свиридова не вышла, а выбежала. Во-вторых, сразу за дверью — тамбур, потом небольшая лестница, которая и ведет к креслам. По-видимому, тот, кто там был, спрятался в глубине. Я ничего не смог разглядеть в темноте.

— Если в зале велся ремонт, почему дверь не закрыли?

— Сейчас я бы за это ответил. Но в те времена был худруком и не следил за дверьми.

Дайнека достала из пакета красную сумочку и положила на стол.

— Есть проблема, — начала она медленно, и лицо Сопелкина побледнело. — Следовательно вы сказали, что Елена Свиридова уехала с сумочкой. Однако сумка не покидала пределов Дома культуры. Как и паспорт Свиридовой. — Дайнека продемонстрировала ему документ.